

Священный огонь культуры

Г.Ю. Ясько

(Получена 23 октября 2006; опубликована 15 января 2007)

Что такое магия? Как мы сегодня можем подойти к пониманию реальности, стоящей за этим термином? Магия - это действие (греч.: энергия). Осмысленная, систематическая и целенаправленная деятельность человека в самом общем виде определяется термином культура. Такие слишком нагруженные несносными напластованиями слова как «магия» и «оккультизм» сегодня мы можем заменить словом «культура».

Недавно Тимур Кибиров назвал одичание причиной того катастрофического процесса, который бушует сегодня (и не только в России). Мир переживает катастрофу. Греческое слово «катастрофа», как и латинское слово «революция» на русский язык переводятся одним словом - «поворот». Наше время - это время крутого поворота всего человечества, всей жизни на земле на новый путь. И у каждого из нас на этом новом повороте истории есть выбор: одичание или возрождение к новой жизни.

(Иногда, чтобы помягче выразиться, говорят не о «глобальной катастрофе», а о том, что «человечество сегодня переживает системный кризис». Ничего себе смягчение, ведь слово «кризис» переводится как «суд»).

П.А. Флоренский так говорит о сути переживаемого нами момента: «Словно какая-то ткань, словно какое-то тело из тончайших звездных лучей ткется в мировых основах. Что-то ждётся. В чем-то недостаток, по чему-то томится душа, желающая разрешиться и быть со Христом... (...) Когда наступает вечер, везде появляются звёзды. Точно так же, когда в известный исторический момент наступает вечер, почти для всех начинают быть видны явления другой культуры, тогда как раньше на них обращали внимание только некоторые «выходящие из себя» («transcende te ipsum» - бл. Августин), - из плоскости рассудка...

Сейчас у нас наступают сумерки, уже произошло смещение сознания, которое мы не замечаем только потому, что оно совершилось медленно и постепенно. Колоссальный сдвиг общественного сознания начался с начала XX-го века. Раньше, например, понятие «мистика» считалось психопатством и отождествлялось с ним даже среди кругов философских. Поэтому многие таили свои мысли и на известные книги указывали не всякому, а по разбору... Правда, многие и раньше чувствовали иное бытие. Например, Тютчев: «О вещая душа моя!/О сердце, полное тревоги,/ О, как ты бьешься на пороге /Как бы двойного бытия!./Так, ты - жилица двух миров,/Твой день - болезненный и страстный,/ Твой сон - пророчески-неяный,/ Как откровение духов.../Пускай страдальческую грудь/ Волнуют страсти роковые -/ Душа готова, как Мария,/ К ногам Христа навек прильнуть»... (...)

Итак, мы находимся на пороге нового бытия. На наших глазах слезает шелуха с культуры прошлого и выявляется новая, подобно тому, как сбрасывают чешую весной, зеленеющие почки деревьев. Я говорю: наступает новая историческая полоса; это значит не то, что отдельные люди почувствовали эту перемену, а то, что она произошла во всех областях культуры, во всех её деятельности и нет ни одной стороны, которой она не коснулась. И всюду и везде она вносит одни и те же начала новой культуры... (...)

Ко времени Страшного Суда будет совершенная свобода: не будет препятствий верить или не верить. Приближается время, благоприятное для эсхатологических целей... (...)

Нужно отметить особенность нашего времени. Представьте себе долину и высокие горы. Мы живём в долинах, в обычном воздухе, и лишь живущие на высоких горах задеваются духовными облаками. А к вечеру облака спускаются и задевают всех, а не одних лишь жителей гор. Так и в наше время - «вечернее» - заметно, с одной стороны, обострение мистической чувствительности, а с другой - снисхождение к нам Божества, миров иных. Сейчас чудо неизмеримо ближе, как и вообще мистические явления, как благодатные, так и темные... (...) «Блюдайте, как опасно ходите»... (...)

Прежние чудеса становятся ближе и обыкновеннее. Мистические явления становятся всё ближе. Приближение к большому опыту. Мир снова начинает принимать мистический характер. Надо ожидать величайшего синтеза всех сторон знания, и это - дело не столь отдалённого будущего, так как потребные для этого элементы уже расправлены и нужно время, чтобы дать им возможность выкристаллизоваться». (1)

Наступает эпоха преобразования человека, преобразования человечества, преобразования Неба и преобразования Земли. Каждый из нас мог бы рассказать о каких-то «сверхъестественных» происшествиях, или знаках, например о сбывающихся, вещих снах, которые касались самых обыденных вещей. Не спрашивая - а есть ли в жизни, этом величественном космическом процессе хоть что-нибудь «обыденное», отнесём эти маленькие «чудеса», эти признаки духовного аристократизма, ставшие ныне демократичными, к самым главным приметам нашего времени. О том же говорят массы книг и руководств по магии заполонивших прилавки книжных магазинов, стало быть, - пользующихся массовым спросом.

Флоренский, познавал магию на своём жизненном опыте, которому он нашел отражения, как в трудах Платона, так и в фольклоре. В работе «Смысл идеализма». (1.70) он очень убедительно показывает, что корнями платонизма является магичность.

В работе «Общечеловеческие корни идеализма» он пишет: «Вопросом «Откуда происходит платонизм?» спрашивается: «Из каких данных сознания? Где эти данные проявили себя в своей первичной грубости? Где они наиболее ярки?» Если Вы согласитесь на такую постановку вопроса, то ответ мой краток и прост. «Магия» - вот то единственное слово, которое решает платоновский вопрос. Или если хотите более современного слова, то это будет о к к у л ь т и з м». (1.147) Свой вывод о происхождении платонизма из магического мировоззрения непосредственного (мы бы сегодня сказали «мифологического») сознания он подкрепляет фактами, взятыми из области русского фольклора, фольклора, обычаев народов Кавказа, уроженцем которого он является. Что свидетельствует: весь быт пропитан и скреплён потусторонним. Все вещи - центры исходящих тайных сил. Океан неведомого бьёт волнами в обиход. Весь мир пронизан магическими и мистическими силами, и нет вещи, которая не была бы опутана сетями мага. Для «простого» человека вся жизнь всегда имела уклад религиозно-магический; все житейские явления, так или иначе, блистают светом потустороннего. То же было и в древней Греции и безграничная вера Платона в силу человеческого духа есть прямое отражение народной веры в возможность творчества силою мысли. Непосредственно же философия Платона есть лишь пересказ прекрасным греческим языком истин, которые были явлены ему при посвящении в Мистерии.

А вот что Флоренский пишет о специальной сфере магического: «... это когда создание направлено на вещи не физического порядка. Тогда такое произведение тоже есть своего рода машина, но машина магическая. Это некое орудие магического воздействия на действительность. Такие орудия действительно существуют: так, уже

рекламный и агитационный плакат имеют назначением принудить к известным действиям всех на них смотрящих и даже **з а с т а в и т ь** смотреть на них. Тут действие на окружающих и изменение в их душевной жизни должен оказать не **с м ы с л**, а непосредственная наличность красок или линий. Иначе говоря, такие плакаты суть машины для внушения, а внушение есть низшая ступень магии». (2). Речь идёт о плодах труда политиков, политтехнологов, рекламщиков и т.п., всех тех, чья сфера трудовой деятельности сегодня обозначается словом «пиар».

Вспомните, как нам внушали «коммунисты»: «Народ и партия едины!» Или как внушали «демократы»: «Да, да, нет, да!» Это тоже магия, или оккультизм. Что такое как ни внушение, ни магия, ни оккультизм - обыкновенная, столь привычная нам коммерческая реклама? Очевидно, оккультизм ныне практикуют: 1) священнослужители всех конфессий; 2) политтехнологи и политики; 3) работники рекламных агентств; 4) работники СМИ. 5) заправилы и «звёзды» шоу-бизнеса, т.н. «массовой культуры». Это не всегда чёрная, иногда и «белая» или «серая» магия, но это всегда «практический оккультизм».

Магия бывает белая и чётная. Церковь очень много сделала для того, чтобы очернить **само** это понятие «магия». Она хотела такое мощное воздействие на человека, как внушение, магия, оккультизм сосредоточить у себя, держать в своих руках. О чём она и старалась всеми своими силами, при всемерной поддержке государства, - князей мира сего, - в средние века. Сама же церковь не стесняется применять как «серую» магию (под названием церковных «таинств»), так и откровенно черную магию.

Вот один из обрядов черной магии, применяемых в православии, описанный Флоренским в его «Философии культа». Т.н. «Чинопоследование на проклятие преступников псалмами». «Суть этого чина нижеследующая: после заамвонной литургийной молитвы, на которой преступник поминался за упокой, в середине церкви ставится столик, на котором обычно благословляются хлебы, а на нём блюдо с уксусом. Семь священников переодеваются, выворачивая облачение наизнанку и окружают означенный столик, держа каждый в руках по зажженной смоляной свече. Начиная обряд, старший иерей кладёт в уксус кусок негашеной извести величиной с яйцо или с орех, и понятно, что известь начинает шипеть, а к концу обряда затвердевает и пристаёт к блюду. Самый обряд состоит из чтения по очереди всеми служащими семи избранных псалмов, в которых собраны наиболее сильные проклятия Псалтыри. Псалмы перемежаются особыми прокимнами и пением так называемого тропаря Иуды - из песнопений Великого четверга. По окончании чтений смоляные свечи гасятся в уксусе, а блюдо опрокидывается вверх дном и оставляется в храме. Тогда преступник, на голову которого были собраны эти проклятия, начинает мучиться угрызениями совести и вынужден принести повинную или иссохнуть от тоски. Само собою разумеется, что присутствие прокливаемого при этом обряде не необходимо». (3).

В обывательском представлении делят церковь на «мистическую», которую представляют святые, аскеты и юродивые и на «обрядовую», которую представляют церковные бонзы, администраторы, клир.

Но вот что пишет об обряде Флоренский: «В таинствах получают высшую меру освящения самые корни нашего естества. Но далее, от корней - к ветвям и от ветвей - к ответвлениям, передаётся деятельность божественной благодати, божественная энергия, и уже не только корни нашего существования, но и всё оно, во всех своих проявлениях, получает новую жизнь, а потому - и новый строй и новый закал: обряд есть

осуществлённая ориентированность на Боге, во плоти пришедшем, в с е й н а ш е й ж и з н и. В этом смысле можно сказать, что н е т определённых границ обряда: начинаясь таинством, нисходит, ветвясь и расчлняясь, в жизнь храмовую, отсюда - в при-храмовую, затем в быт, в строение культуры и далее, подобно тончайшим волоскам и усикам, порою еле- или совсем невидным, впивается в недра земные, в жизнь космическую, уже не будучи обрядом только человеческим, обрядом, ограниченным пределами человеческого общества, но захватывая в себя всю тварь, в с ё бытие, самые стихии.

Повторяю, н е т никаких определённых границ обряда: по существу - обряд есть в с ё, ибо всё, что не есть обряд, не должно быть и не образует единой ткани культурно-исторического опыта. Фактически же - мы называем границей обряда всякий раз границу нашего ведения. Вот, например, м ы к л а н я е м с я н а у л и ц е, снимая шапку, - что это, обряд или не обряд? Вероятно, большинство скажет, что это - только обычай, т.е. не введёт поклона в границы - ведомые им - границы обряда. Но св. Иоанн Дамаскин утверждает, что мы снимаем шапку пред проходящим знакомым и д о л ж н ы снимать её, ибо этим выражаем мы религиозное почитание о б р а з у Божию, который в человеке: человек - та же икона, икона Господа Своего. И значит, поклон - поклон знакомому на улице - это уже не «обычай», а обряд». (3.237-238)

По Флоренскому - всё есть обряд, всё есть магия, всё есть оккультизм: живое, жизненное единение человека с природой.

Церковь, проклиная «магичность», на самом деле хотела бы оставить её за собою, но эту деятельность никакой общественной организации невозможно взять под свой контроль, так же как невозможно взять под общественный контроль «разумность», «деятельность», целеполагания, волеизъявления.

Вот и человеческая речь насквозь магична. Флоренский пишет в статье «Магичность слова». «Дело в том, что слово, как посредник между миром внутренним и миром внешним, т.е. будучи а м ф и б и е й живущею и там и тут, устанавливает, очевидно, нити своего рода между тем и другим миром, и нити эти, какими бы они ни были мало приметными взору позитивиста, суть, однако, то, ради чего существует самое слово, или по крайней мере суть перво-основа всех дальнейших функций слова. Эта перво-основа, очевидно, имеет направленность двустороннюю, во-первых, о т говорящего - наружу, как деятельность, вторгающаяся из говорящего во внешний мир, а во-вторых, от внешнего мира к говорящему, внутрь его, как восприятие, получаемое говорящим. Иначе говоря, словом преобразуется жизнь, и словом же жизнь усваивается духу. Или, ещё говоря иначе, слово магично и слово мистично. (...)

... убеждение в магической силе слова, на протяжении веков и тысячелетий, составляет всеобщее достояние народов самых различных, и едва ли можно указать хотя бы один народ и хотя бы в одно время своего исторического развития, который бы не имел живейшей веры в магическую мощь слова. Эта вера так распространена и прежде и теперь, что её, говоря о народах, приходится считать неразрывною с самым использованием речью и видеть в ней необходимый момент в самой жизни языка».

Что означает - каждый человек, поскольку он пользуется речью - постольку он - пиарщик, маг, оккультист. Вы этого не подозревали? Но Вы ведь, пользуясь речью, и не подозреваете, что филология находит в слове семему, морфему и фонему.

«Если же морфемою, представляющей двуединство перевозвук и первосмысла, объединяется в слове звук и смысл, то, надо полагать, что и в порядке магичности морфема слова соединяет в себе ультрафизическое воздействие фонемы и интрапсихологическое воздействие семемы, сама будучи действенной и так и эдак или, точнее, производя такое действие, которое стоит **между** просто физическим и просто психическим, т.е. относится к области в более определенном смысле слова - оккультной. Иначе говоря, слово, в индивидуальной определенности того, что называется в нем формой, заряжается от производящих его органов особой энергией, назовем ли ее нервною, или одом, или астралом, или флюидом, или животным магнетизмом, или еще как-нибудь в таком роде, - сейчас это неважно, так как мы знаем слишком мало ее свойства и склонны поэтому смешивать энергии весьма различные».

Но есть люди, которые об этом знают и широко пользуются своим, пусть даже и смутным, знанием, которое они хотели бы оставить за собою (знание - сила) в своей «трудовой деятельности». Я говорю о священнослужителях и других знахарях, колдунах.

«Знахарка, шепчущая заговоры или наговоры, точный смысл которых она не понимает, или священнослужитель, произносящий молитвы, в которых иное и самому ему не ясно, вовсе не такие нелепые явления, как это кажется сперва, раз заговор произносится, тем самым высказывается, тем самым устанавливается и наличность соответствующей **интенции**, - **намерения** произнести их. А этим - контакт слова с личностью установлен, и главное дело сделано: остальное пойдет само собою, в силу того, что самое слово уже есть живой организм, имеющий свою структуру и свои энергии». (4).

А магия любовных отношений? Вы к ней не прибегали, хотя бы бессознательно? А магия искусства? Ей Вы неподвластны? Магизм является основой человеческой жизнедеятельности.

По мнению Флоренского граница между земным миром и мирами иными, горними не может рассматриваться как безусловная. Человек - микрокосм живёт и действует (не сознавая того) во всём Макрокосме, на всех его уровнях. Что касается не только его сознания, жизни его духа, но и жизни его тела.

«Магия, в этом отношении, могла бы быть определённой как искусство смещать границу тела против обычного его места. В сущности же говоря, всякое воздействие воли на органы тела следует мыслить по типу магического воздействия. Взятие пищи рукою, поднесение ко рту, положение в рот, разжевывание, глотание, не говоря уж о переваривании пищи, выделении слюны, желудочных соков, усвоении пищи и дальнейшего её обращения в теле, - все эти действия магические, и магическими называю их не в обычном смысле таинственности или сложности их совершения, а в точном смысле явления ими воли, хотя местами и под-сознательной, по крайней мере у большинства. Но наряду с этими органическими последствиями инстинкта, есть и другие, технические. Вместо прямого действия, в случае голода - вместо схватывания пищи, мы накапливаем в себе мысль о действии, и через то обостренно сознаём необходимость добыть себе пищу. Это сознание проектируется в виде средств к удовлетворению того же голода, и, конечно, - в размерах, увеличенных сравнительно с первоначальной потребностью добычи на первый раз: ведь наша мысль суммировала ряд импульсов - позывов на пищу, может быть не наш личный только ряд, но и бесчисленное множество импульсов одного рода со стороны окружающих нас, со стороны прошлых поколений, влечения народной истории. Увеличенная, сравнительно с личным импульсом в данный час, мысленная

проекция голода облекается в вещество, теперь уже во внетелесном пространстве, и таким образом воплощается в технические приспособления». (4. 403-404).

Таков виртуозно краткий очерк его мысли, показывающий: наука и техника тоже являются отростками магии.

(Ср.: «Корыстную жажду овладения природой и добытия из неё того, что даёт силу человеку, современная наука получила в наследие от тёмной магии. Вся психология естественной науки и естественной техники родственна темной магии. И ужас, который испытывает современный человек от колдовской власти над ним мертвого механизма природы, есть кара за корыстно-магическое отношение к природе. Старая магия незаметно переродилась в современную технику и выпустила огромные магические силы, значение которых неясно современному сознанию». (5).

Магия есть живое, жизненное единение человека с природой. Магия - общение человека с разными силами природы и лишь разная духовная высота намерений человека отделяет благодатную «белую» магию от вредоносного, эгоистичного использования этих сил «чёрной» магии. Поэтому, сознательно употребляя слово «магия», Флоренский вкладывал в него и положительный и отрицательный смысл. Как он пояснил в одном разговоре А.Ф. Лосеву: «Чтобы подчеркнуть это расширенное понимание, я и беру это слово. Конечно, если бы было другое, более общее слово - я сказал бы его, но его нет. Волшебство - хуже, а магия - хотя и спорно, но хоть прилично». А.Ф. Лосев продолжает: «По-видимому, отец Павел нарочно употребил слово «магия», указывая на его широту, чтобы положительное и отрицательное рассматривать вместе: конечно, хотелось бы иметь общий, объединяющий единый термин - более нейтральный, менее раздражающий. Но его нет! И уж если отец Павел его не знал и не предложил, то тут уж ничего не остаётся делать». (4. 251).

Освящение и преображение плоти Мира, - эта основная задача русского духа, - для самого Флоренского вставала, как стремление примирить дух и материю, подняться к началу их синтезирующему. Это было одним из характернейших направлений его мышления. Идея воплощения духа, согласно его воззрениям такова: дух «ткёт» себе тела, тончайшим из которых является имя, затем идут такие тела как ментальное, астральное, эфирное, физическое. Но этот дом духа распространяется вширь и далее, переходя из беспредельности духовной, потенциальной, к беспредельности актуальной, а потом снова возвращаясь в беспредельности духовной. В дом, который строит себе дух человеческий входят одежды, которые продолжают физическое тело, жилище, орудия труда, поле труда человека, которое постепенно от биосферы расширяется на ноосферу, а потом и на пневмосферу (это другие названия для астрального и ментального планов). Таким образом, весь космос становится для человека и телом, и домом, и храмом, и мастерской. В своих интуициях Флоренский был близок Е.П. Блаватский, с её идеями он был знаком. Сам себя он мог назвать и «магом» (6) и «окультистом» милостию Божией» (7). Что нужно принять с широким пониманием нюансов этих переживших свой век понятий.

«Различными путями мысль приходит всё к одному и тому же признанию: идеального сродства мира и человека, их взаимо-обусловленности, их пронизанности друг другом, их существенной связанности между собой. *Гносеологически* - всё, познаваемое нами, есть нами усвояемое и в себя нами преобразуемое. *Биологически* - всё, окружающее нас, есть наше тело, продолжение нашего тела, совокупность дополнительных наших органов. *Экономически* - всё возделываемое, производимое и потребляемое нами, есть наше хозяйство. *Психологически* - всё, нами ощущаемое, есть символическое воплощение

нашей внутренней жизни, зеркало нашего духа. *Метафизически* - оно воистину есть то же, что мы, ибо, будучи иным, оно не могло бы быть с нами связано. Наконец, *религиозно* - Мир, образ Софии, есть Мать, Невеста и Жена образа Христова - Человека, ему подобная, ждущая от него заботы, ласки и оплодотворения духом. Человеку - мужу надлежит любить Мир-жену, быть с нею в единении, возделывать её и ходить за нею, управлять ею, ведя её к просветлению и одухотворению и направляя её стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился в твари её изначальный космос. Человек есть *сумма* Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его». (4.440-442).

Проще говоря: «воплощение есть основная заповедь жизни, - Воплощение, т.е. осуществление своих возможностей в мире, принятие мира в себя и оформление собою материи». Или: «воплощение в жизни идеала для превращения жизни в культуру». Вот и произнесено то слово, которое в 1920 году Флоренский не мог сказать Лосеву для замены слова «магия». Это слово - Культура.

С 1920 года общественным сознанием проделан необходимый для оттачивания данного термина труд. И Флоренский в эту работу сделал колоссальный вклад. Духовная жизнь, жизнь воплощающегося духа есть непрестанное творчество, есть постоянное действие, по-гречески - «энергия». И это творческое действие (энергия) человека является частью творческого действия (энергии) Творца. Истинный порядок или закон для человека заключается в том, чтобы за вещами видеть энергию, за тварью видеть Творца. «Понять энергию. Но на земле самым ярким выразителем энергии является лицо человеческое. Лицо человеческое и есть предмет истории, и всё с ним и ради него и из него совершается, в противоположность совокупности вещей, природе. Но в чём же проявляется человеческая личность? Что служит характерным выявлением человечности? Если природой мы называем совокупность вещей, то совокупность энергий мы называем культурой». (1. 21.)

Культура, (все вида искусств, включая науку - искусство добывать знание) это другое наименование магии. «Понятно, что иначе и быть не может. Изящные искусства, исторически суть выпавшие из гнезд или выскочившие звенья более серьёзного и более творческого искусства - искусства богоделания - ф е у р г и и. Ф е у р г и я, как средоточная задача человеческой жизни, как задача полного претворения действительности смыслом и полной реализации в действительности смысла, - была Во времена древнейшие точкою о п о р ы всех деятельностей жизни; она была материнским лоном всех наук и всех искусств. Она была реальным условием развития самосознания, родником жизни, в с е ю деятельностью человека. Все деятельности находили в ней своё единство и вне её рассматривались как существующие легкомысленно, поверхностно, блудно, так сказать, и, следовательно, незаконно и болезненно. Точнее сказать, автономное существование внефеургических деятельностей было кощунственным п р е с т у п л е н и е м и рассматривалось именно так. А во времена ещё более давние самая мысль о возможности самостоятельности их не возникала, и не могла возникнуть: в крепком и здоровом сознании исключается и проблеск безумия. Но когда единство человеческой деятельности стало распадаться, когда феургия сузилась только до обрядовых действий, до культа в позднейшем смысле слова, то деятельности жизни, выделившись из неё и, так сказать, узаконив своё блудное существование, свою преступную самостоятельность, свою вне-божественную самодовлеемость, стали плоски, поверхностны, без внутренне-ценного содержания. Они тогда лишились истинной точки своего приложения, а потому - и прочной уверенности в безусловной нужности своей. Содержание их перестало существовать как безусловно ценное и непреложно реальное.

Форма и содержание разделились и стали соприкасаться случайно и произвольно. Деятельности перестали быть сами собою разумеющимися в уставе жизни и стали капризом, прихотью, роскошью, выдумкою, - не «в самом деле», а «нарочно». И тогда деятельности обратились от Р е а л ь н о с т и и С м ы с л а - к реальности и смыслом, т.е. в своей раздельности от Первых, стали реальности пустыми, а смыслы ложными. Вещи стали т о л ь к о утилитарными (полезными), понятия, - т о л ь к о убедительными. Но утилитарность уже не была знаменем реальности, а убедительность - истинности. Всё стало подобным Истине, перестав быть причастным Истине, перестав быть Истиною и во Истине. Короче - всё стало светским. Так произошла западноевропейская гуманитарная цивилизация - гниение, распад и почти уже смерть ч е л о в е ч е с к о й к у л ь т у р ы. Так распалась и разложилась на специальности, подробности и частности, из которых ни одна не необходима и все случайны и условны, человеческая личность, утерявшая безусловное условие своего единства, а с ним - и крепость ноуменального самосознания. Так рассыпалась душа в сумму помыслов и прираждений, т.е. состояний, навеваемых случайными ветрами извне». (3.56-57). *Феургия* или *теургия*, - магическая деятельность, которой занимались во времена седой древности иерофанты мистерий - всечеловеческого теургического учреждения, своего рода глобальной сети. Сегодня, когда вектор развития человечества повернулся от внешнего к внутреннему, человечество вернётся к «искусству богоделания» - «феургии», по слову Флоренского, к «теургии» по слову Вл. Соловьёва.

Одно из самых смелых учений Вл. Соловьёва было его учение о красоте, как об орудии преображения всего сущего, как о силе, как об особом виде энергии (Света). Раскрывая формулу Достоевского «Красота спасет мир», он определяет красоту как «преображение материи через воплощение в ней другого, сверх материального начала». Порядок воплощения идеи или явления красоты в мире по Соловьёву соответствует проявлению великого творческого начала – Света – в воспринимающей его природе. «Космический ум в явном противоборстве с первобытным хаосом и в тайном соглашении с раздираемой этим хаосом мировой душой или природою, которая все более и более поддается мысленным внушениям зиждительного начала, творит в ней и через нее сложное и великолепное тело нашей вселенной. Творение есть процесс, имеющий две тесно между собою связанные цели, общую и особенную. Общая есть воплощение реальной идеи, т.е. света и жизни в различных формах природной красоты, особенная же цель есть создание человека, т.е. той формы, которая вместе с наибольшей телесною красотой представляет и высшее внутреннее потенцирование света и жизни, называемое самосознанием. (...) ...человек уже не только участвует в действии космических начал, но способен знать цель этого действия и, следовательно, трудиться над ее достижением осмысленно и свободно».(9). И это эволюционное сотворчество человека с космическими началами: Логосом и Софией на путях Богочеловеческого преображения Соловьёв видит не в соблюдении обрядности РПЦ МП, а в области совершенного искусства, художестве, в культуре, как области воплощения идей. Усилия человека в которой и должны одухотворить, преобразить его и всю нашу жизнь. «Современное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, - должно одухотворить, преосуществить нашу земную жизнь». (10).

Культура, как действие Света, как светлое действие или светлая энергия - должна быть признана основой всей и всякой целеустремлённой деятельности человека. Флоренский демонстрирует это на примере молитвы: «Вот сторона культуры, по-видимому самодовлеющая и желающая быть самодовлеющей. Но она единством целей связана со всею техникой, с бытом. Для осуществления молитв нужны Храмы, например,

а для них архитектура, т.е. вся организация знания, художники, т.е. вся организация искусства, для художников же – химики, готовящие краски, горные промыслы, добывающие красящие вещества из недр земли, заводы, их перерабатывающие, плантации, доставляющие масло, сельские хозяева, дающие пшеницу и вино, стальные заводы, доставляющие земледельцам орудия для обработки поля, и т.д. и т.п. Каждый объект культуры предполагает тысячи других, те – опять других и т.д. Бесконечно многообразная ткань культуры оказывается связанной с таким чуждым, по видимому, жизни фактором, как молитва. Да и то, мы взяли ее со стороны внешней. А возьмем со стороны внутренней. Каждое слово молитвы подразумевает существование всей суммы догматических понятий, исторически это значит, что включается сюда все прошлое церковной жизни, более – вообще религиозной жизни человечества. В наших молитвах вы увидите термины философии, образы поэзии, идеи, отзвуки которых находим в тысячелетиях. Каждая ниточка культуры подразумевает всю культуру, вне которой она не может быть». (1. 25 – 26.)

Гераклит учит: «Всё составилось из огня и в огонь разрешается...Начало есть огонь; всё есть размен огня и возникает путём разрешения и сгущения...Вселенная конечна и мир един. Возникает он из огня и вновь исходит в огонь попеременно, оборот за оборотом, в течение всей вечности; совершается это по Судьбе». (8) Наилучшим символом действия (энергии) всегда являлся Огонь, наилучшим символом Божества всегда являлся Огонь. Моисею Бог являлся в Огне. «Кто возле Меня, тот возле огня, а кто далёк от Меня, тот далёк от Царства», - гласит одно не записанное в Евангелии изречение Спасителя. (3.299). «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12. 49-50) - сказал Христос. У Матфея говорится, что Христос будет крестить уверовавших в Него не только водой, но ещё «Духом Святым и огнём» (Мф.3:11) «Бог есть Огонь», - сказал Серафим Саровский. Творческая сила человека - в сопричастности его Божественному Огню. Об одной из своих статей Флоренский писал: «Это будет писаться долго, понемножку, т.к. требует больших подготовок для каждого отдела и страшного напряжения (огнистости)»... (7. 335)

Так и запомним: Культура - это Божественный Огонь, горящий в нашей крови в наших сердцах. Глядя на вершину Казбека, к которой, по словам Е.П. Блаватской и прикован Прометей, будем об этом вспоминать.

Ссылки

1. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН, т. 129, М., 99, стр. 392 - 420.
2. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН, т. 131, М, 2000, стр. 156.
3. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН, т. 133, М., 2004, стр. 298-299.
4. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН, т. 128, М., 99, стр. 230-244
5. Н. Бердяев. Смысл творчества. М., 2002, стр. 275.
6. П.А. Флоренский. Имена. М., 2000 стр.366.
7. Павел Флоренский и символисты. М., 2004, стр. 531.
8. Диоген Лаэртский. ФН, М., 79, стр.361.
9. Вл. Соловьев. Сочинения. М. 88, стр. 388-389.
10. Вл. Соловьев. Сочинения. М. 88, т. 2, стр. 404.